

ЕНИСЕЙСКІЯ

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Енисейскъ 1-го Іюня

Грусть сердца

Грусть Сердца

За чѣмъ только по временамъ свѣтитъ живительное солнце? Откуда мрачная ночь, за чѣмъ мертвящая зима? точнаго отвѣта нѣтъ: таковъ, говорить, законъ природы.

Да, тотъ же законъ неизменно повторяется и въ сферѣ нравственной: добро и зло взаимно перепутаны. Это сделалось для насъ уже естественнымъ. Но вотъ что странно: зло временно большею частію торжествуетъ, и если оно при томъ исполнено самовластия и дерзости, то будто и не замѣчается пугливымъ обществомъ; между тѣмъ какъ добро рѣдко оцѣнивается достойно, считается либо дѣломъ обыкновеннымъ, либо даже плодомъ только робости, а вообще принимается не доварчиво.

Впрочемъ, съ появленіемъ гласности, какъ будто осмѣливаются люди видѣть зло. Но и тутъ открытіе зла нерѣдко

зависитъ отъ злобы и мести. Ну, а что-если зло будетъ умышленно составлено мстительною безчестныхъ людей, за столь имъ противное стремленіе въ добро? А вѣдь можетъ быть!

Иркутскія ведомости обвиняются уже въ пристрастіи давать гласность обвиненію одного только зла; обративъ, вѣроятно, вниманіе на это, имя дѣла гласность совершенно другаго сорта, а именно: о проводникахъ А. А. Мордвинова, цѣль жизни котораго составляло, кажется, одно добро, на сколько онъ умѣлъ оно уразумѣть. Статья замѣчательна и тѣмъ, что въ ней не было подписи, ибо это голосъ всѣхъ, — не было похвалы, потому что говорили самыя факты рѣзче всякихъ словъ: не выразить ту скорбь сердца, съ которою мы отпускали такого начальника.

Не зажила эта рана сердца. Мордви-

новъ живеть еще въ нашемъ воспоминаніи, а уже готовится новая, едва-ли заманчивая потеря: съ грустью сердца слышимъ мы, что переводятъ отсюда нашего любимого доктора М. Ф. Кривошапкина. Дай Богъ ему всякихъ помышлений, мы искренно, отъ души желаемъ того; но какъ унять скорбь о предстоящей разлука, скорбь, глубоко проникшую наше сердце?

Унять нать средства; но облегчить можно высказавшись. Да не отринетъ гласность наше искреннее слово.

Не будемъ говорить объ ученыхъ трудахъ г. Кривошапкина; довольно прочесть почетный отзывъ знаменитаго профессора Иноземцова. Оставимъ то удивляющее труженичество, для котораго высчитаны, кажется, минуты; после прошлогодней 3-хъ месячной болезни; вся убъждали его трудиться менее; скажемъ о томъ, что совершается передъ нашими глазами, и если не скажемъ — мучить насъ будетъ совесть; потому что, какъ намъ известно, кругъ богатыхъ людей, (купцовъ и золотопромышленниковъ) въ числа 50-ти человекъ, уже входилъ въ Высшему началству благодарнымъ и выхваляющимъ г. Кривошапкина адресомъ. А сколько оказалось не подписавшимися охотниковъ, которые очень обидались даже, что имъ не было сказано и предложено!

Но не богачамъ можетъ быть вполне оцененъ человекъ; это право остается неотъемлемо за нами, людьми со средствами весьма ограниченными. Вотъ

мы то и хотимъ публично засвидѣтельствовать, что г. Кривошапкина для насъ общественниковъ кажется не только лекаремъ, нать — а другомъ, братомъ. Онъ на деле доказываетъ, что вса люди (богатые и бѣдные равно) — братья. Ни когда мы не заматили предпочтенія богатымъ, или сильнымъ міра сего; полная ровность руководила имъ. Отъ того-то онъ тааъ и любезенъ и дорогъ намъ; ни днемъ, ни ночью нать препятствій дойти до него; домашніе тааъ вручены, что если, при небольшой надобности, не желая беспокоить, спросишь: „не спитъ ли? не будите!“ отвѣчаютъ всегда неизменно „пожалуйте“; ни когда не видалъ ни кто морщанки не довольства. Отказываясь отъ всякаго нашего вознагражденія — онъ, въ случаа надобности, приставляетъ къ больнымъ своимъ людямъ, прописываетъ на свой счетъ лекарства и вообще старается обставить больного всамъ нужнымъ. А ласка, а дружескій тонъ, а благородные совѣты? О, какъ это много значить для больного, особенно не богатого и злѣзлаго издалеча!

А каковъ вещественное доказательство городоваа больница: г. Кривошапкина исправляла ее на свои пожертвованія. до 400 целовыхъ, и, не получая изъ Приказа ни копейки жалованья, заботилса о ней какъ о ребенкѣ. Главнымъ же орудіемъ ему въ водвореніи порядка служить безкорыстіе; мы не пускаемъ въ объясненіе, отношенія большей части врачей къ больницамъ извѣстны.

Можно-бы пройтись по всамъ пунктамъ обычныхъ лекаревихъ эссенцій и на каждомъ доказать прямоту; но во 1-хъ не имеемъ права безъ особой надобности, раскрывать, а во 2-хъ наша

цель выказать только высокое уваженіе къ благородной, благотельной личности и искреннимъ открытымъ изліаніемъ облегчить спазмъ сердца, переполненнаго скорбію о скорой разлука.

Почтмейстеръ *Ридклинекій*.
 Помощникъ *В. Чернышевъ*.
 Засѣдатель окружнаго суда *А. Васильевъ*.
 Засѣдатель окружнаго суда *А. Фоминъ*.
 Бывшій штатный смотритель училищъ *П. Фоминъ*.
 Въ должности штатнаго смотрителя училищъ, титулярный совѣтникъ *Андрій Паутовъ*.
 Секретарь окружнаго суда, коллежскій секретарь *Антонъ Вонгородскій*.
 Учитель Енисейскаго уезднаго училища, титулярный совѣтникъ *Флегонтъ Кирельевъ*.
 Письмоводитель Енисейскаго окружнаго етрапнаго, коллежскій регистраторъ *Пантелеймонъ Михалевскій*.
 Бухгалтеръ казначейства *А. Кудрявцевъ*.
 Столоначальникъ Енисейскаго окружнаго суда, коллежскій регистраторъ *Константинъ Павловскій*.
 Секретарь Енисейской градской думы, губернскаій секретарь *Василій Шустеръ*.

тамскій.
 Канцелярскій служитель окружнаго суда *Василій Бажновъ*.
 Канцелярскій служитель *Максимъ Шамраевъ*.
 Чиновникъ Енисейскаго земскаго суда *Сибирцевъ*.
 Уездный учитель *М. Можайскій*.
 Дворянинъ *Стефанъ Рожановскій*,
 Окружнаго управленія секретарь *Вонгородскій*.
 Столоначальникъ окружнаго управленія, коллежскій регистраторъ *Василій Орловъ*.
 Столоначальникъ окружнаго управленія *Иванъ Басинъ*.
 Коллежскій Регистраторъ *Василій Замилюбовскій*.
 Учитель Енисейскаго уезднаго училища *Моисеевъ*.
 Исправ. долж. солнаго пристава *Барташевичъ*.
 Священникъ Градо-Енисейской Преображенской церкви *Александръ Угрюмовъ*.

Печатать дозволяется: Енисейскій Гражданскій Губернаторъ *Падалка*.

КРАСНОЯРСКЪ.